

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

День человеческий

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615095
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3

Аннотация

«... Утром, когда жена еще спит, я выхожу в столовую и пью с жениной теткой чай. Тетка – глупая, толстая женщина – держит чашку, отставив далеко мизинец правой руки, что кажется ей крайне изящным и светски изнеженным жестом.

– Как вы нынче спали? – спрашивает тетка, желая отвлечь мое внимание от десятого слобного сухаря, который она втаптывает ложкой в противный жидкий чай.

– Прекрасно. Вы всю ночь мне грезились. ...»

Содержание

Дома

4

На улице

7

Аркадий Аверченко

День человеческий

Дома

Утром, когда жена еще спит, я выхожу в столовую и пью с жениной теткой чай. Тетка – глупая, толстая женщина – держит чашку, отставив далеко мизинец правой руки, что кажется ей крайне изящным и светски изнеженным жестом.

– Как вы нынче спали? – спрашивает тетка, желая отвлечь мое внимание от десятого сдобного сухаря, который она втаптывает ложкой в противный жидкий чай.

– Прекрасно. Вы всю ночь мне грезились.

– Ах ты Господи! Я серьезно вас спрашиваю, а вы все со своими неуместными шутками.

Я задумчиво смотрю в ее круглое обвислое лицо...

– Хорошо. Будем говорить серьезно... Вас действительно интересует, как я спал эту ночь? Для чего это вам? Если я скажу, что спалось неважно – вас это опечалит и угнетет на весь день? А если я хорошо проспал – ликование и душевной радости вашей не будет пределов?.. Сегодняшний день покажется вам праздником, и все предметы будут окрашены отблеском веселого солнца и удовлетворенного сердца?

Она обиженно отталкивает от себя чашку.

– Я вас не понимаю...

– Вот это сказано хорошо, искренне. Конечно, вы меня не понимаете... Ей-богу, лично против вас я ничего не имею... простая вы, обыкновенная тетка... Но когда вам нечего говорить – сидите молча. Это так просто. Ведь вы спросили меня о прошедшей ночи без всякой надобности, даже без пустого любопытства... И если бы я ответил вам: «Благодарю вас, хорошо», – вы стали бы мучительно выискивать предлог для дальнейшей фразы. Вы спросили бы: «А Женя еще спит?», – хотя вы прекрасно знаете, что она спит, ибо она спит так каждый день и выходит к чаю в двенадцать часов, что вам, конечно, тоже известно...

Мы сидим долго-долго и оба молчим.

Но ей трудно молчать. Хотя она обижена, но я вижу, как под ее толстым красным лбом ворочается тяжелая, беспомощная, неуклюжая мысль: что бы сказать еще?

– Дни теперь стали прибавляться, – говорит наконец она, смотря в окно.

– Что вы говорите?! Вот так штука. Скажите, вы намерены опубликовать это редкое наблюдение, еще неизвестное людям науки, или вы просто хотели заботливо предупредить меня об этом, чтобы я в дальнейшем знал, как поступать?

Она вскакивает на ноги и шумно отодвигает стул.

– Вы тяжелый грубиян и больше ничего.

– Ну как же так – и больше ничего... У меня есть еще другие достоинства и недостатки... Да я и не грубиян вовсе.

Зачем вы сочли необходимым сообщить мне, что дни прибавляются? Все, вплоть до маленьких детей, хорошо знают об этом. Оно и по часам видно, и по календарю, и по лампам, которые зажигаются позднее.

Тетка плачет, тряся жирным плечом.

Я одеваюсь и выхожу из дому.

На улице

Навстречу мне озабоченно и быстро шагает чиновник Хрякин, торопящийся на службу.

Увидев меня, он расплывается в изумленной улыбке (мы встречаемся с ним каждый день), быстро сует мне руку, бросает на ходу:

– Как поживаете, что поделяваете?

И делает движение устремиться дальше. Но я задерживаю его руку в своей, делаю серьезное лицо и говорю:

– Как поживаю? Да вот я вам сейчас расскажу... Хотя особенного в моей жизни за это время ничего не случилось, но есть все же некоторые факты, которые вас должны заинтересовать... Позавчера я простудился, думал, что-нибудь серьезное – оказывается, пустяки... Поставил термометр, а он...

Чиновник Хрякин тихонько дергает свою руку, думая освободиться, но я сжимаю ее и продолжаю монотонно, с расстановкой, смакуя каждое слово:

– Да... Так о чем я, бишь, говорил... Беру зеркало, смотрю в горло – красноты нет... Думаю, пустяки – можно пойти гулять. Выхожу... Выхожу это я, вижу, почтальон повестку несет. Что за шум, думаю... От кого бы это? И можете вообразить...

– Извините, – страдальчески говорит Хрякин, – мне нуж-

но спешить...

– Нет, ведь вы же заинтересовались, что я поддельваю. А поддельваю я вот что... Да. На чем я остановился? Ах, да... Что поддельваю? Еду я вчера к Кокуркину, справиться насчет любительского спектакля – встречаю Марию Потаповну. «Приезжайте, – говорит, – завтра к нам»...

Хрякин делает нечеловеческое усилие, вырывает из моей руки свою, долго трясет слипшимися пальцами и бежит куда-то вдаль, толкая прохожих...

Я рассеянно иду по тротуару и через минуту натываюсь на другого знакомого – Игнашкина.

Игнашкин никуда не спешит.

– Здравствуйте. Что новенького?

– А как же, – говорю, вздыхая. – Везувий вчера провалился. Читали?

– Да? Вот так штука. А я вчера в клубе был, семь рублей выиграл. Курите?

– Нет, не курю.

– Счастливый человек. Деньги все собираете?

– Нет, так.

– По этому поводу существует...

– Хорошо! Знаю. Один другому говорит: «Если бы вы не курили, а откладывали эти деньги, был бы у вас свой домик». А тот его спрашивает: «А вы курите?» – «Нет». – «Значит, есть домик?» – «Нет». – «Ха-ха!» Да?

– Да, я именно этот анекдот и хотел рассказать. Откуда вы

догадались?..

Я его перебиваю:

– Как поживаете?

– Ничего себе. Вы как?

– Спасибо. До свидания. Заходите.

– Зайду. До свиданья. Спасибо.

Я смотрю с отвращением на его спокойное, дремлющее лицо и говорю:

– А вы счастливый человек, чтоб вас черти побрали!

– Почему – черти побрали?

– Такой анекдот есть. До свиданья. Заходите.

– Спасибо, зайду. Кстати, знаете новый армянский анекдот?

– Знаю, знаю, очень смешно. До свиданья, до свиданья.